

Александр Снегирёв

Прямая речь: «Несколько лет назад мы узнали, что наш дом подлежит сносу. Дом, который мы сами строили, красили, обставляли. Дом, где мы были счастливы. На большой бумажной карте, вывешенной в помещении для общественных, через гостиную, лужайку и грядки проходила широкая современная автомагистраль.

В первые дни мы раздвоились, как бывает после сильного удара: дух отдельно, тело отдельно, а потом очухались и стали думать.

Разумеется, мы начали узнавать, советоваться, заручаться поддержкой, выслушивать ободрения, писать в газеты, заранее прощаться и, одновременно, надеяться. По ходу сострадательных, злорадных, пустых и вполне дельных разговоров с близкими людьми и людьми совершенно незнакомыми, сами собой возникали разные идеи, в том числе ироничные, шутливые и даже хулиганские. Один такой разговор произвёл на свет фантазию, вполне способную, не побоюсь показаться зазнайкой, конкурировать с фантазиями многих деятелей современного социально-политического искусства.

Как мужчина рачительный, я не позволил идее угаснуть и раздул её до рассказа, оснастил сюжетом, снабдил кульминацией и развязкой, нафаршировал подлинными и вымышленными, личными и подслушанными фактами, а главное – приправил собственной искренней и горячей страстью.

Строительство в итоге отменили. Говорят, проект оказался слишком дорогим по нынешним временам. Нехватка средств тоже иногда приносит пользу.

В результате дом стоит на прежнем месте, а рассказ вот он. Поневоле задумаешься о добре и зле. Вроде, уничтожение дома – однозначное зло, но одна только весть об этом зле запустила созидательный литературный механизм, который трудно не отнести к добру. Вот и разберись после этого, что такое “хорошо”, а что такое “плохо”».

БЕТОН

Сметану мать скрывала. Годы были голодные, сметана доставалась не всем. Им доставалась. Продуктовые заказы отца-генерала. Из-за этой сметаны и других, заурядных для сегодняшнего едока, но редких и недоступных для тех лет гастрономических радостей ему не позволяли звать в дом одноклассников.

Мать, единственная дочь мелкого раскулаченного торгаша, от которого к тому времени осталась только выцветающая фамилия-вывеска, намалёванная на стене дома, где до революции была лавка, а потом в мелко разгороженных комнатках пьянствовала, дралась и неразборчиво плодилась деревенская голытьба, мать, нашедшая себе идеологически верного мужа, знала цену маскировке.

Отец пошёл в гору в предвоенные годы репрессий, последовательно занимая карьерные пустоты, образованные приведёнными в исполнение расстрельными списками. Он никого не подсиживал, выдающимися способностями не отличался, просто был русским, партийным, из крестьян, умел исполнять и не дёргаться.

Жили в особняке. После попадания германской бомбы рабочие наркомата перестелили полы, крышу и поделили бывшую обитель дореволюционного чайного магната на квартиры. Генералу, при обороне столицы не изменившему своему умению не дёргаться, досталась жилплощадь с тремя спальнями, кухней и коморкой, где хранили лыжи и зимние пальто, а когда родился младший, в коморку заселили Дусю из деревни, помогать по хозяйству.

С фронта отец привёз «вальтер». Тяжёлый тряпичный свёрток в ящике стола. Строго запретил прикасаться. Он не удержался, достал и мимо Дуси, которая купала младшего, юркнул во двор. А там мальчишки.

Никто не убился, но милиционер пистолет изъял. Отца вызывали. Последовала порка и повторяющийся вопрос: «Хочешь меня под статью подвести?!»

Мечтал стать капитаном дальнего плавания. Долгие морские походы, неизвестные порты, неназойливые женщины. Отец, коротающий послевоенную скуку на потешной должности в Генштабе, безмолвствовал, мать настояла на нормальной специальности. Выучился на инженера. Специализация – бетонные конструкции. Устроился в проектный институт. Оклад сто двадцать плюс премия. Отец взял участок для приусадебного хозяйства, принялись домик возводить, грядки обихаживать.

Когда генералу давали надел, государство щедростью не отличалось – нарезало своим заслуженным сынам бросовую землю по ноль, ноль, шесть гектара. Кооперативу, в который генерал вступил, выделили под участки болотце, упомянутое ещё одним из второстепенных бородачей русской литературы как место, подходящее для стрельбы по вальдшнепам и прочей модной в тот славный век мелкой дичи. Генералу, разумеется, предлагали и раньше, сразу после победы, добротные ломти гектаров среди сосен и берёз, неподалёку от неброских имений тогдашней высшей знати, но он, бесстрашный в бою и чрезвычайно, даже избыточно осторожный в делах повседневных, от тех золото-бриллиантовых по нынешним ценам соток отказывался, ссылаясь на нелюбовь ко всему мелкобуржуазному. Времена были такие, вроде дают – бери, а вроде возьмёшь, посадят. Краешка повода достаточно, и вот уже катишь прямиком по рельсам в лесозаготовочные дали. Вот он и не брал. Так и говорил: «мелкобуржуазно». Смешное слово, а в те годы без тени улыбки произносили. Не поперхиваясь.

Дружок генерала, коллега армейский, кстати, взял, не струхнул и не побрезговал. И его, конечно, закрыли. Правда, не за участок с добротным усадебным срубом, а за бабу. Да и не за бабу даже, а за мужа её. А дело было так: закрутил генеральский дружок с одной – театр, портвейн, туда-сюда, и бац – муж с работы возвращается. А тут шинель на вешалке, китель,

медальками звякающий на гнутой спинке трофейного тонета, и благоверная в одной комбинашке, тоже к слову, германской, а хозяин шинели и кителя и вовсе без кальсон. Тут бы оскорблённому супругу учинить закономерную расправу, и он, возможно, учинил бы, только вышло иначе. Голый генерал схватил наградной и проделал в туловище обманутого конкурента столько отверстий, сколько зарядов в обойме. Восемь.

С того дня, как случилась эта трагическая и вместе с тем поучительная история, миновали десятилетия. Бескальсонный стрелок из лагеря так и не вернулся – горячий нрав не лучший путь к долголетию в местах лишения свободы. А жизнь текла безостановочно, оставляя в прошлом то, что ещё минуту назад было настоящим.

Сын помогал отцу на даче. Тот торопился. Сказывалась закалка наступления на Берлин. Огород и стройка оживили старика. Снова все стало осязаемым, как на фронте: запах земли, железяки, ссадины, сортир – яма, умывальник – ведро. Возводили сами, работников нанимали при крайней необходимости. Построились первыми во всем кооперативе. Стены белые, ставни голубые. Любил генерал Германию, чего скрывать. Когда четыре года кого-то душишь, невольно зауважаешь.

Построили и сразу же начали ремонтировать. То доски пола рассохнутся, образовав щели в палец, то фанеру перегородок поведёт, и обои пойдут лопающимися пузырями. Но главный сюрприз преподнёс фундамент. Добротные, замешанные лопатой в старой ванне по проверенному рецепту, лично залитые и отформованные в опалубке, крепкие и ладные сваи, вкопанные на требуемую ГОСТом глубину и даже с запасом, выперло в первую же зиму. И так каждый год. Весной выдавленные из недр сваи торчали наперекосяк, точно зубы дефективного подростка, приподнимая то один угол дома, то другой. Играли домом и так и сяк, расшатывая и без того хлипкие стенки, заклинивая окна и двери.

Свою работу, замес и отливку молодой инженер-бетонщик сделал правильно. Он же не дока по фундаментам, его специальность – пропорции, армирование, прочность на сжатие и на изгиб. Делал, как учили, как для Дворца Советов, а то, что вчерашняя русская топь, а ныне мелиорированные и унавоженные шесть соток сваи не приняли, не его в том вина. На протяжении многих лет дачный сезон начинался с трудного открывания зажатой порогом и притолокой входной двери, проветривания сырого, пахнущего мышами, псевдогерманского помещения, выпивания чаю и многодневного обкапывания и выравнивания капризного бетона.

Так отпуска и пролетали.

Младший, напротив, не такой покладистый вырос. Школу бросил, на перекладных рванул на юг. Был грузчиком в Одесском порту, ещё кем-то. Искали с милицией, мать чуть ума не лишилась. Женился на художнице с десятилетней дочкой. Свадьбу в какой-то лачуге справляли, в Лосинке. Отец с матерью не явились. Вскоре развёлся и женился снова. Ко второй прилагался сын первоклассник. Родили своего.

Дачное болото под напором муравьиной усидчивости членов садоводческого товарищества приобрело сельскохозяйственный цветущий вид, ушло вглубь, проступая только чёрной водицей на дне придорожных канав. Дохлые кочерыжки привитых саженцев распустились в плодоносящие кроны, первые слои краски облупились и были замазаны вторыми, а у кого побогаче, то и третьими. Генерал коротал отставку рядом с женой, никак не решающейся целиком отдаться метастазам, которые уже несколько лет то распускались, то убирались восвояси, щекоча её неуклонно сереющее снаружи и буреющее изнутри тело, отчего вся она делалась серо-бурой. Сыновья проявляли себя по-разному: если младший, ссылаясь на семью, на недавно родившегося от очередной спутницы потомка, все больше отлынивал, то старший, бетонщик, демонстрировал добродетельную примерность, работал днём, а вечером, возвращаясь в квартиру, где по-прежнему проживал вместе с родителями, ухаживал за матерью. В летние периоды, если позволяло здоровье, мать вывозили за город, и там, в тени успевших разрастись яблонь, она лежала на железной кровати, прикрыв веки и вспоминая детство, рысака, идущего вровень с паровозом, и юность, когда студенткой педагогического техникума маршировала на демонстрациях, счастливо горланя: «Чемберлену ящик с крышкой! Апчхи!» Она вспоминала, как родила старшего. Как началось ночью, и муж повёл её в больницу через мост, но на мост не пустили, не пешеходный, не положено, и он сбил камнем замок с чужой лодки и, орудуя доской, стал грести, и на середине одной из рек региона, называемого ныне Северо-Западным, прямо в лодке она и произвела на свет. А младшего рожала уже в условиях столичной ведомственной больницы, под наблюдением уцелевших в классовых чистках, сбережённых от мобилизации, специалистов в белых халатах.

Она то капризничала, то клокотала бодростью, то причитала, то бегала по театрам-выставкам. Отец и сын, так и не приноровившись к её затянувшейся агонии, горько улыбались, стараясь потакать любимой и единственной. Когда её работающие на пределе жизненные поршни наконец сорвались, генерал плакал, а сын, сорокасемилетний неженатый совслуж, моргал сухими глазами. Младшего на похоронах не было, не смог срочно достать билет из Крыма.

Генерал дряхлел, из особняка переселили в квартиру в обыкновенном доме, передав гордость чайного магната черномазым послам. Младший в который раз женился на девахе без жилплощади, но и без сопляков, переехал с молодой к отцу и брату, зажили все вместе в новой трёшке. Швы государства стали то там, то здесь потрескивать и скоро вовсе разошлись. Все так незыблемо было: партия, правительство, сметана в спецзаказах, и тут раз и нет ничего, ни партии, ни правительства, ни сметаны, только обманутые вкладчики с обезумевшими лицами по митингам бродят. Страна ржавым тарантасом неслась по ухабам новой эпохи, дребезжа всем своим несуразным телом, теряя детали, увеча пешеходов и пассажиров. Вклад, открытый ещё матерью, куда старший исправно вносил с каждой зарплаты тридцать с лишним лет подряд, сгорел. Цепляющийся за остатки разума

генерал радовался отстраиванию главного храма, разрушение которого горячо приветствовал юнцом. Не надо иметь высшего образования, чтобы подытожить – жизнь прошла.

Кое-кто из дачных соседей участочки свои вместе со строениями стали продавать. Новые хозяева сносили каркасные стенки и жгли рухлядь на пустырях, возводя жилища не то чтобы более красивые, но точно более комфортабельные. Бетонщик продолжал работать в существующем отчасти по инерции проектировочном институте.

Когда генерал скончался, обнаружилось, что ему полагается двухместный квадратик на кладбище для армейских чинов, то есть в отдалении от места упокоения супруги. Жена младшего настояла, чтобы хоронили, где предлагают, нельзя же упускать шанс застолбить место на престижном погосте, чванливым кавказцам можно потом половину втюхать, если средства понадобятся, или нуворишам каким-нибудь, а мертвецам, новопреставленному и матушке, уже все едино. Братья спорить не стали, и останки генерала были опущены в земляную ячейку рядом с остальными испустившими дух представителями комсостава, чьи холмики были отмечены у кого железной загогулиной с самолётиком на конце, у кого баклажаном субмарины, а у кого пограничным столбом, совершенно идентичным натуральному. Предметы эти, весьма, надо заметить, языческие, наглядно информировали редкого забредшего сюда зеваку о роде войск, которым отдал лучшие годы тот или иной почивший.

Проводили тихо, брат на этот раз от явки не отлынивал, благо сезон стоял не купальный, но на похороны денег не дал, обещал потом, дочку в кружок танцев надо снарядить, а за вторую в детском саду ещё взнос не внесён. Когда горка с венками осела, пенсионер уже не стал испрашивать у младшего финансовой помощи и установил на свои обычный могильный камень, который не был украшен ни пушечкой, ни снарядиком, ни даже гильзой от стомиллиметрового. Подобная гильза имелась дома. На её круглом боку была гравировка с дарственными словами однополчан, а кромка обточена так, что образовывала силуэт орудий и здания с куполом, сбоку которого торчал флажок с серпом и молотом. Представители старшего поколения без труда узнавали в латунной панораме красноармейскую артиллерию и поверженный Рейхстаг, нынешняя же публика, избалованная заграничными турами без освободительной цели и представляющая подвиг народа весьма туманно, видела в этих закорюках с куполом торговый центр с ассортиментом мальчишеских пулялок. Данная тара, долгие годы служившая усопшему ёмкостью для карандашей и авторучек, и после его смерти использовалась старшим сыном-бетонщиком по тому же назначению. Спустя полтора года младший неожиданно нанёс визит на могилу отца и остался недоволен эстетическим выбором брата: порода камня показалась ему заурядной, шрифт неуместным, а фотография папаши в фарфоровом овале старомодной.

Отпуска старший продолжал проводить на даче, вскапывал весной, полол летом, собирал осенью. Когда приезжал младший с оравой, дети

сжирали с кустов малину и смородину, вытаптывали грядки, в домике пятерым было не разгуляться, да и в квартире тоже. Практичное время и теснота затронули в невестке деловитые, уже звучавшие при выборе кладбищенского места струны, и она нашла выход: ему, бетонщику, дача, им квартира. Справедливо. У него все равно никого.

Соседка по подъезду все волокла ему беляши, но это пустое. Одиночество не угнетало, чтение укорачивало дни, телевизор скрадывал вечера, сны не снились. Институт претерпел реорганизацию и сокращение, и трудовой стаж бетонщика навсегда прервался, не дотянув чуток до полувекового юбилея. На пенсию проводили без шума, крадучись. Все его друзья к тому моменту делились на три группы: в Израиле, в больничной палате, в могиле. А с редких молодых какой спрос – отхлебнули из пластика, пожелали чего-то современного и непонятного и разбежались.

Тем временем практичная невестка предложила следующее: они с мужем выплачивают ему за половину квартиры за вычетом их дачной доли. На вырученные деньги он перестраивает дачу, превращая её в жилище, пригодное для комфортного круглогодичного проживания одинокого аскетичного пенсионера. Выплаты в количестве двадцати четырёх распределяются на два года.

Имея склонность к одиночеству и желая сократить часы общения с родственниками, он согласился. Первая и вторая выплаты поступили в срок. Удалось утеплить стены и перестелить крышу. Следующий взнос подзадержался. График финансовых поступлений того времени легко подытожить – пятая, запоздавшая на полгода выплата стала последней. Невестка и с ней-то уже не соглашалась, хватит, мол, с него. Но муж настоял. Все бумаги на тот момент были подписаны, и бетонщику ничего не оставалось, как радоваться тому, что он не остался и вовсе ни с чем. Обустроив простенькую систему отопления, он целиком погрузился в загородный быт и жил бы себе тихонько доживал, если бы не обморок, случившийся с ним впервые с рождения и без всякой причины. Списав произошедшее на возраст, пенсионер и позабыл бы скоро про тот обморок, не потеряй он сознание снова, сильно ударившись на этот раз головой. Решил показаться доктору.

Головокружение? Стул? Аппетит? Ощупали прохладными пальцами, выписали направление на анализы. Спустя две недели, пошелестев бумажками, дипломированный выпускник Второго мёда, мотающий молодость в государственной поликлинике и мечтающий о переходе в частную, сообщил пенсионеру о его последней неоперабельной стадии и предрёк конец земного пути через два, максимум три месяца. Болей нет, такое редко, но встречается.

Вернувшись домой, пенсионер закрыл ставни, задёрнул занавески и несколько дней не выходил, думая, как все-таки прямолинейна смерть, никакого кокетства, сухие сроки. И предстояло бы ему тихо рассосаться в столь любимом им дачном перегное, если бы не одно обстоятельство, весть о котором проникла в его зашторенное, запертое, непроветренное жилище.

Внутри черепных сосудов региональных чиновников булькнуло – решили усовершенствовать движение автомобильных потоков, перенаправить, разгрузить и расширить, наплести сеть скоростных и четырёхполосных. И наплели бы так, что наш пенсионер-пешеход и не заметил, если бы одна из ветвей будущего хайвея, оборудованного велодорожками и туннелями для миграций зверья, бойкими цветными линиями чертежа не прошла прямиком по его ноль, ноль шесть гектара и утеплённому щитовому строению. Его дом пришёлся аккурат на разделительную будущей автострады. Не ему одному, разумеется, стало светить изъятие с компенсацией, половину посёлка забытых вельмож и их потомков предполагалось соскрести с карты вместе со старыми халупами и новыми коттеджами.

Народ зашебуршился. До раннего восхода майских ночей не замолкали преимущественно женские негодующие визги в стенах домика правления товарищества, которые предыдущие почти сорок лет ничем громче скандалов с подворовывающей выпивохой-бухгалтершей не оглашались. В семьях с молодёжью стали шуметь в блогах, создавать группы обманутых и обездоленных, поднимать сопротивленческую бучу. По участкам задвигались активисты: местные пенсионерки и разновозрастные неуравновешенные мужского пола. Они распространяли самодельные листовки, подолгу разъясняли права и свободы, а если отперший калитку садовод развешивал уши, активисты быстро сползали со скользких берегов предметной критики строительства дороги в бескрайние топи хаотичной, нутряной ненависти к власти. Здесь и там посёлок оглашался криками: «Когда же они все передохнут, упыри!» Находилось и множество тех, кто сетовал на обречённость споров с государством: упрёшься, так и дом подожгут, а отдашь все покладисто, авось компенсируют. А суд на стороне сильного. Пораженческие настроения прокрадывались в умы очень и очень многих. Даже самые безрассудные борцы нет-нет да и задумывались о тщете собственной непримиримости и то и дело рассматривали вариант сепаратной сдачи на милость строительного гиганта.

Пенсионер наш собрания поначалу посещал, но ни к одной из партий не примыкал, никакого определённого мнения не высказывал, был ведомым и податливым, как князь Багратион в день Шенграбенского сражения, каким его описал Лев Толстой. Если бы были среди дачников знатоки Толстого, то они бы непременно отметили, что однажды багратионовская податливость пенсионера-бетонщика сменилась багратионовской же выверенностью действий и бесстрашием. Но Толстого читали мало, прямо скажем, совсем не читали, хоть отдельные тома его и полные собрания на многих дачках валялись среди ненужного барахла и продуктов мышиной жизнедеятельности. Да и никто за пенсионером не наблюдал, кроме одинокой пожиловатой внучки третьего зама председателя забытого минтяжгормашпрома, толстухи с волосатыми ножищами. Но и эта Толстого не читала, а читала газету «Тайная власть» и временами «Анжелику» по не помня какому разу. Будь она пособразительнее, не толстоведка даже, то бы

заметила, что туманность и неактивность приглянувшегося ей пенсионера на общих собраниях говорит лишь об одном – в человеке зреет нечто, возможно, пустячное, а возможно, такое, что все вверх тормашками перекувырнёт.

Посещая собрания садоводов, вслушиваясь в исторгаемые официальными ртами формулировки, разъясняющие все достоинства отъёма и компенсаций и означающие для него потерю единственного жилья, пенсионер вперёд не лез, но выбор свой сделал. А когда сделал, собрания забросил. Исчезновения его никто, кроме неказистой внучки третьего зама, которая туда только ради него и ходила, не заметил. Уединившись в саду, пенсионер проинспектировал плодоносящие деревья, которые сажал когда-то с родителями и которые теперь обещали оценить по рыночной стоимости. Замазал трещины, образовавшиеся после зимы, побелил стволы, удобрил разведённым куриным помётом. Он обошёл дом, которому несколько лет назад, ещё до отказа от доли в квартире, сделал с помощью двух подсобников-таджиков новый монолитный фундамент. Спустя десятилетия весенних перекосов, дом стоял ровно на ворочающейся после зимней спячки земле.

Две спаленки первого этажа, кухня, совмещённая со столовой, и чердак были порядочно захламлены. За десятилетия существования дома его фаршировали всем ненужным в городе, что было жаль выбросить. Кроме того, после отказа от квартирной половины пенсионер перевёз сюда все личные вещи, письменный стол, книги. Его небогатое имущество дополнило два старых, похожих на обмылки холодильника, три буфета, два из которых в своё время отдала склонная к частой смене мебели городская соседка Райка, разбитная мотовка, бойкая медсестра, привезённая с фронта видным военачальником. Кресла виновато разевали продавленные, подранные местами, заваленные барахлом сиденья, рожки и висюльки люстр мохнатились пылью, чашки темнели дурно отмытыми от чайного налёта лонами.

Выдвигая ящики стола, перебирая старые бумаги, свои дипломы и аттестаты, охотничьи патроны, оставшиеся от сданного по доброй воле в годы государственного запрета ружья, старые пропуска и фотографии, импортный бумажник из вонючей свиной кожи, даренный отцом, огрызки карандашей со срезанным точилкой до середины словом «Архитектор», отцовские награды, которые невестка хотела зажать, но младший её заткнул, читая давнишние, почему-то сохранившиеся открытки и неразборчивые рецепты, силясь вспомнить абонентов ветхих записных книжек, хозяин этой без пяти минут изъятой собственности уже знал будущее.

Скрупулёзно подсчитав сбережённые остатки невесткиной подачки, он взялся за расчёт кубометров пространства дома и пустоты под ним. Залезши в оставленный для ремонтных нужд проем в фундаменте, он ползал под полом, где вскоре соорудил надёжную ячеистую конструкцию из арматуры. Железные пруты перевязывал проволокой, оставшейся ещё от литья первых фундаментных свай. Тогда он волок проволоку от станции, надев на шею

венком, который вполне бы мог стать похоронным, такая тяжесть. Но допёр, с детства любил преодолевать трудности, все хотел героев отцовских фронтовых баек перещеголять, особенно тех, про кого отец после двух по пол-литра бурчал мрачным шёпотом человека повидавшего, но непричастного и совестливого, про смертников из штрафбатов. Когда армирование подпольной пустоты было завершено, он вызвал бетономешалку и заполнил пространство серой гущей самой крепкой, какую смог достать, тысячной марки. Водила бетонного миксера удивился, решив, что старикан того, пошатнулся умом, но, получив оплату, дело сделал, сунул заляпанный жёлоб в отверстие лаза и в две ходки устроил под домом монолитную, полуметровой высоты плиту.

Увидев столь нерациональное, на фоне грядущего сноса, вложение, граничащие с пенсионером собственники решили, что он свихнулся, и оставили его в покое и только на продолжающихся собраниях вспоминали иногда, что дед с пятьдесят шестого участка решил на склоне лет перевести сбережения в бетон. Возрастная внучка третьего зама чесала жирные волосатые икры и грустила. Недавно она придумала повод познакомиться с пенсионером и приволокла ему саженцы осенних цветов, но, не решив постучаться в калитку, просто приткнула клубни с культями стеблей возле забора.

Слух о дороге тем временем вспыхнул и угас, никаких инициатив строители не проявляли, уполномоченные к садоводам не являлись, официальные уведомления не поступали. И людям стало казаться, что ничего не случится, что все отменилось и государство про них счастливо забыло. Такое бывает перед бурей, когда порыв ветра рванёт листья, опрокинет садовый зонт и вдруг стихнет, и когда сбитые с толку обманчивой тишиной божьи твари высунутся из своих нор, гром сотрясёт мир и небо разразится затопляющими потоками. Так и случилось, когда взбаламученный слухами посёлок стал затягиваться гладью привычного уюта, на доске объявлений появился плакат с утверждённым планом строительства и сроками реализации.

Пенсионер на душевные метания не отвлекался. Он закупил внушительный ворох арматуры сантиметрового сечения, завалив железными вермишелинами лужайку, заказал ещё проволоки, лопат и прочих инструментов, а главное – завёз множество мешков с прочнейшим, с проверенного завода, цементом, песок, гравий и оранжевую электрическую бетономешалку. Внимательно пересчитав и любовно ощупав мешки и прутья, он расплатился с темноликими грузчиками и на следующий же день приступил.

Чтобы испытать покупки и оживить в памяти рецепты, он замешал сначала немного и заполнил ящики Райкиного комода. Ничего не вытащил, плюхнул поверх своих, сохранённых матерью, школьных дневников и прочего сентиментального сора. Бетон застыл быстро, превратив комод в недвижное многокилограммовое тело. Пока заново разворошённые плакатом жители посёлка собирали подписи, покорно паковались или пили по углам

сорокаградусную, он стал нарезать арматуру на куски нужной длины и наполнил железной клетью одну из спален, бывшую комнату младшего, заколотив предварительно окна. Мысленно одобрив результат с комодом и уточнив немного пропорции в сторону сокращения доли песка, он, с помощью лично сконструированного желоба, затопил спаленку через оставленное в окошке отверстие. По мере поступления смеси в недавно ещё обитаемое помещение доски затрещали, стенки стало распирать, через щели пробивалась серая вода. Пол надёжно подпирала предусмотрительно устроенная плита. Пенсионер замешивал и заталкивал серую массу в проем до тех пор, пока спаленка брата не превратилась в сплошной куб, вмуровавший в себя мебель, люстру, половики и давно пылящийся под кроватью эмалированный со сколом ночной горшок.

Когда бетон перестал помещаться в дыру, а стал, наоборот, лезть наружу, пенсионер огляделся в поиске, чем бы заделать. На глаза попалась старая, рыжая с тёмными пятнами хлебная доска. Он взял её за рукоять и невольно всмотрелся, кажется, ещё мать покупала. Он смотрел на иссечённую поверхность доски и ему показалось, что перед ним зеркало.

Прихватило спину. Несколько дней валялся, не мог разогнуться. Встав на ноги, поехал в город, купил электрический массажёр и продолжил заполнять пустоты жилища быстро твердеющей, широко применяющейся ещё древними римлянами строительной смесью. Так появился книжный шкаф, заполненный вместо книг неподъёмными блоками, гардероб, в котором материнские платья и отцовский китель потеснил застывший параллелепипед. Один из двух обмыленных холодильников тоже послужил прекрасным вместилищем для ноль восемь куба и лежал теперь обесточенный и слегка удивлённый, словно подавившийся едок.

Со времён незапамятного детства, которое в эти летние дни замесов и заливок часто всплывало в памяти, пенсионер все время сопротивлялся чему-то, но не так чтобы ожесточённо. Материнской опеке, надеждам, возлагаемым на него отцом, общественным нормам, но в основном самому себе. Вроде особенные фантазии его не обуревали, но он себя постоянно одёргивал: охотничье ружье сдал, едва только вышел запрет, увлечённо читал о парусном спорте, да так книгами и ограничился, каждый год в отпуске отращивал бороду и каждый год сбривал накануне первого рабочего дня, избегал ярких и своенравных любовниц, чтобы не нарваться на скандал, за матерью ухаживал, хоть было и противно. Его воспитание входило в существенный конфликт с его сутью. В другую эпоху он бы стал монахом-скопцом, отшельником, китобоем, но замещение свелось к обливаниям холодной водой, лыжам и тщетной ежегодной переделке фундамента. Жизнь его была половинчата, проходила не происходя, будто рождение на середине широкой реки мешало твёрдо стать на выбранный берег. Но как и невидимое глазом течение водной глади питает громадную электростанцию, так и застоявшиеся в нем стихии оказались слишком сильны, чтобы кануть, не найдя выхода. Смертельный диагноз и роковая автомагистраль замкнулись, и выбитая искра привела в действие дремавший годами потенциал. Надо ли

говорить, что вскоре и вторая спаленка заполнилась аккуратными секциями арматурной решётки, напоминающей кристаллическое устройство чрезвычайно твёрдого природного элемента. Решётку эту, а вместе с ней и комнату вместе с обстановкой поглотили кубометры безупречно смешанного бетона. Июнь подходил к концу, со дня получения диагноза прошло три месяца.

На прилегающем заброшенном колхозном поле, куда пенсионер каждый вечер ходил гулять, начались строительные работы. Разнотравье быстро превращалось в ямы и кучи, стройка, подгоняемая предвыборными обещаниями президента, наступала на посёлок, прогулки делались короче, он увеличил выработку. Соорудив простейший подъёмник, выпустив арматуру через отверстия в потолке, чтобы увязать монолиты, он залил ту часть чердака, которая располагалась над спальнями. Проверяя крепость получившегося, он так развеселился, что съехал по лесенке, не касаясь ступенек, опираясь на перила одними руками.

К середине лета после нескольких недель нескончаемого тяжкого труда он упал по пути в продуктовую лавку. Очевидцы вызвали бригаду СМП. Те прикатили неспешно, но все реанимационные мероприятия осуществили добросовестно. Неделю пролежал на капельницах, вышел под подписку – беру на себя ответственность, врачи предупредили и так далее. Соседи успели решить, все, кончился тронутый. Внучка третьего зама плакала, запершись, и заедала горе печеньями курабье, пихая их в розовеющий под кокетливым воротничком усов рот.

По возвращении на бетонный фронт он узнал, что по участкам шастают юристы дорожной конторы под охраной штатских крепышей и полицейских толстунов. Пенсионер обошёл незабетонированную часть кухоньки и столовой и решил врачебные предписания проигнорировать. В тот же вечер оранжевый кокон бетономешалки задорно вертелся, пережёвывая цемент, песок, гравий, хлюпал водой и сливал в жёлоб густую массу, которая сантиметр за сантиметром заполняла интерьер. Соседи крутили пальцем у виска, внучка третьего зама ликовала.

Явились уполномоченные. Он хотел спрятаться, но его заметили и вручили уведомление. Свидетельство у тебя, дед, неправильно оформлено. Так что компенсация твоя под вопросом. Чего это у тебя тут за стройка? Хватит строить, пакуй баулы. Он все выслушал, не перебивая, и возбухать на государевых лягушат не стал. Чем отчасти их, привыкших к сценам, удивил и даже разочаровал.

Больше к нему никто не наведывался. Никто, кроме белки. Та являлась по вечерам, выныривая из кустов черноплодки за сараем, пробегала по хребту теплицы и принималась щекотать ствол сосны, носясь вверх и вниз. Белка шелушила шишки, и когда очередная пустела, разжимала лапки, и огрызок падал пенсионеру под ноги. Как-то раз, увидев очередной огрызок, он подумал, что жизнь человека устроена вроде шишки – бьётся, пока шишка полна и питает белку, и прекратится тотчас, едва лапки разожмутся. Он смотрел на белку и не замечал, как улыбка осеняет его старое, как кора, лицо.

Наполняя ящики письменного стола, решил поворошить бумаги, которые не помнил, когда последний раз разбирал. Наткнулся на несколько конвертов, как водится, пожелтевших. Если бы внучка третьего зама осуществила свои интимные мечты, то однажды, в момент душевной близости, за чаем с зефиром, она бы непременно спросила пенсионера, кто была его первая любовь. И пенсионер не соврал бы, ответив, что не помнит, и, засыпая, растревоженный вопросом, невольно нырял бы в мутные воды памяти. Первая, вторая. И ту альпинистку любил, и ту неженку, и чью-то дочку и сотрудницу соседнего НИИ грузинку с прибабахом. Мало ли что было. Но теперь, когда он, загипнотизированный выпрыгнувшим неожиданно прошлым, вытащил из одного из конвертов исписанный листок, толща лет осыпалась, и не только первая любовь – вся жизнь предстала кристально ясной панорамой. Это и была его первая любовь. Чернявая, игривая, бабка её очень пристально сторожила, бегала за ними, как рефери за боксёрами, и руки промеж просовывала, мол, брейк, боялась, как бы чего до свадьбы не вышло. А свадьбы-то никакой и не случилось. Спустя годы случайно на Калининском встретились. Он спросил: «Как дела?» Она: «Замужем». И, немного помешкав: «Пойдем ко мне?» Сын в лагере, муж на службе, он все нервничал, как бы тот не вернулся. Теперь он смотрел на конверт с лыжником, на строки, «милый купырзик», она его купырзиком почему-то называла, и не думал ничего. Не читая, он бросил письма обратно в ящик, крякнув, поднял ведро, до половины наполненное гущей, и плюхнул поверх первой любви.

В бетоне его всегда завораживало, что состоит он в основном из растёртых в порошок, давным-давно окаменевших моллюсковых обитателей моря. По воле человека перемолотые пласты двустворчатых и панцирных заново твердеют в формованные монолиты, составляя рукотворные скалы городов, которым однажды тоже суждено будет потрескаться, обветриться и превратиться в строительный компонент, продолжая бесконечную цепь измельчения и застывания.

Творожистая масса сровняла минувшие страсти, воцарившись над ними неколебимой гладью. Следующие ведра наполнили и поглотили дарственную гильзу, боевые и юбилейные награды, золотые серьги-розочки, купленные матери с первой зарплаты.

Замуровывая ведро за ведром минувшую жизнь, он вспомнил, как заливал сваи первого фундамента. Воду набирали из местного прудика, и когда громадные бетонные пастилы схватились и он сбил с них опалубку, то увидел на боку одной застывшую рыбку-малька.

Диагнозу со дня на день должно было стукнуть полгода.

* * *

Поздней осенью, не получив никакого ответа на многочисленные звонки по месту регистрации, где невестка, брат и подросшие наследницы отговаривались тем, что связь с родственником давно утеряна, на участок проникли приставы. Они увидели торчащее из двери тело, ноги которого

были вмурованы в сплошную, слоёную толщу. Тело имело утраты: соседские кошки, ежи, да и вообще экология в тех местах была хорошая, животный мир богатый и плотоядный, одна белка не изменила вегетарианству.

Уголовное расследование, гасимое кулуарными выплатами и звонками сверху, тянулось тем не менее почти два месяца. Строителям пришлось арендовать специальную машину, которая в течение трёх недель днём и ночью дробила массив, повторяющий форму дома и несущий отпечатки быта генеральской семьи, как булыжники на пляже несут оттиски доисторических папоротников. Отдельная бригада расковыривала ломами деревяшки, резала болгарками арматуру. Работяги – представители некогда покорённых животноводов – крушили окаменелости невнимательно и грубо до тех пор, пока кто-то не заметил торчащий из обломка завиток серёжки-розочки. Находка взбаламутила среднеазиатские умы, и выполнение непосредственной задачи существенно замедлилось. Спешившиеся в энном поколении кочевники стали тщательно измельчать и просеивать подозрительные осколки. Ни окрики прораба, ни тычки чоповцев, ни взорвавшийся охотничий патрон, нашпиговавший дробью плечо и пол-лица одного из кладоискателей, – ничто не могло отвратить от поисков. Однако, кроме ордена Красной Звезды, ничего найти не удалось, да и тот так до конца и не отчистился от намертво приставшего вещества. Герой заварухи, бредивший с детства противотанковыми надолбами вокруг Москвы, помнил рассказы матери, как она с другими женщинами копала рвы поперёк вероятного движения гусеничных и колёсных неприятеля и как спешно завезённая из неиссякаемого источника – республик Средней Азии – мужская рабсила околевала на морозе, кутаясь в свои цветастые халаты. Он был бы рад узнать, что его одиночными стараниями наступление стройотряда через участок номер пятьдесят шесть застопорилось в общей сложности на три месяца.

Белка переселилась в другие кущи, младший с невесткой получили урезанную компенсацию и судятся теперь с дорожной компанией, внучка третьего зама, выселенная с родного огорода, оставила чтение и целиком переключилась на крикливые шоу из купленного на отступные телевизора, потому что ужиться с окружающим миром с помощью одного только чтения и сладкого она уже никак не может. Цветы, которые она не решилась вручить пенсионеру лично, перекочевали вместе с вывороченной землёй на придорожный откос, под укрепляющий почву решётчатый железобетон. Цветы расплодились, прорастая из ячеек множеством пучков и образовав с годами внушительную поросль. Каждую осень они распушают сиреневые головки, радуя редких романтиков из числа работяг, обслуживающих данный участок трассы – под конец смены они надирают пышные веники для своих жён, и плоские недвижные лица женщин смягчаются, и в узких прорезях для глаз возникает тепло.

Никто не знает последней мысли пенсионера, явившейся ему, когда он опрокидывал на себя раствор, навсегда погружая тело в монолит дома. Мысль была воспоминанием. Он маленький мальчик. На кухне курят и

разговаривают взрослые. Он хочет к ним, его не пускают, укладывают спать. И тогда он начинает мечтать, как научится проходить сквозь стены. Думает, сейчас возьму и войду на кухню через стену, вот взрослые удивятся. Чувствуя, как застывающий бетон сковывает ноги, пенсионер тихонько смеялся.

2015

© Александр Снегирёв.
Фото со страницы Александра Снегирёва в Фейсбуке.